

Юджин Блест

Герасим и ми-ми

и другие рассказы

Юджин Блест

**Герасим и ми-ми
и другие рассказы**

«Издательские решения»

Блест Ю.

Герасим и ми-ми и другие рассказы / Ю. Блест — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960350-0

Друзья, это, к сожалению, развлекательное, но далеко не массовое чтение. Подлинный андерграунд нашей с вами современности. Категорически отрицающий любые проявления официоза. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960350-0

© Блест Ю.
© Издательские решения

Содержание

Герасим и ми-ми и другие рассказы	6
Герасим и ми-ми	6
Эвтаназия	9
Киностудия	11
Больница	16
Стройка	21
Театр	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Герасим и ми-ми и другие рассказы

Юджин Блест

© Юджин Блест, 2018

ISBN 978-5-4496-0350-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Герасим и ми-ми и другие рассказы

Герасим и ми-ми

...Карета, отделанная по краям облупленными золотыми позументами, остановилось у трапезной, где, как раз в этот полуденный час, обедали странники.

– А что это сегодня у вас за мужчина двенадцати вершков роста, вон тот, сложенный богатырём?

Поинтересовалась, всунувшись из окна кареты не первой свежести барыня.

– А хз, кто он таков, ваше превосходительство, не иначе как глухонемой, и, по всей видимости – глухонемой от самого рожденья!

Отвечал приказчик, разбитной и вертлявый мальёк, привозивший из ресторана всяческую слегка подпорченную снедь для благотворительных обедов.

– Глухонемой?? – Голос барыни выражал удивление.

– Осмелюсь доложить – продолжал приказчик – не иначе как беглый, не прикажете ли позвать урядника?

– В глазах у барыни блеснула некая хитрющая и озорная мысль, и она согнутым пальчиком заговорщически поманила приказчика к себе.

– Несколько минут они перешёптывались, и затем голова барыни скрылась в глубине кареты, а взамен головы из окна высунулась трёхрублёвая ассигнация.

Приказчик, кланяясь, и на бегу засовывая трёшку в боковой карман панталон, потрусил в сторону ничего не подозревающего Герасима.

Только что подали горячее, это был борщ, и Герасим, одарённый необычайной силой и выносливостью, работал ложкой за четверых едоков.

Несмотря на сопротивление упирающегося Герасима, приказчик с трудом оттащил его от обеденного стола, и через минуту он уже стоял перед барыней.

– Му-му! – Герасим жестами указывал барыне в сторону стола, как бы давая понять, что сейчас не время, сейчас он должен быть именно там, но барыня была неумолима, и ещё через минуту Герасим покачивался на ухабах, на козлах рядом с кучером, и кони несли его в ту самую сторону откуда он только что пришёл.

И вот Герасима во второй раз привезли в Москву, опять купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, дали ему в руки кочергу и совок, так как определили его на этот раз уже не дворником, а истопником.

Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких работ у старой своей барыни.

Но крепко не полюбилось ему сначала его новое житьё!

– Ми-ми! – кокетливо манила его к себе пальчиком его новая хозяйка.

– Му-му! – отчаянно возражал Герасим, всем своим видом показывая своё нежелание и неудовольствие и выражая этими нечленораздельными звуками, даже, в некотором роде, резкий протест происходящему.

– Ми-ми! – настаивала хозяйка, кокетливо маня пальчиком, ах ты баловник... баловник...

– Ну хорошо, хорошо, сначала му-му, а потом ми-ми! – немного уступала ему новая барыня, и Герасим, понурив голову шёл в барские покои...

Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык, наконец, к новым своим обязанностям.

Горько вздыхая и ухая, как пойманный в капкан зверь, Герасим, понутив голову, шёл, тем не менее, в барские комнаты.

Где вздыхания и ухания продолжались примерно в течение часа, постепенно усиливаясь и нарастая. Затем Герасим возвращался в свою каморку, сжимая в руке подаренный барыней очередной целковый. Но надолго не задерживался он и там, и, попив чаю, к удивлению барыни и всего её дворового люда, шёл на хозяйственный двор, колоть дрова.

Одарённый необычайной силой и выносливостью, он, как всегда, работал за четверых.

И как некие механические рычаги опускались и поднимались продолговатые и твёрдые мышцы его торса.

... Так прошёл почти месяц, по окончании которого у Герасима случилось новая перемена в его существовании.

В гости к барыне, заскочил, буквально на минутку, её давнишний приятель, если интересуют подробности, – пожалуйста, это был граф Мишель Эдинский, впрочем, это имя не имеет ни малейшего отношения к сюжету нашего повествования.

Герасим сразу же сообразил, что речь у барыни с графом идёт именно о нём, так как его, безо всякой особой надобности, вызывали несколько раз принести дров для камина.

И граф как-то странно поглядывал на его, и взгляды эти не предвещали Герасиму ничего хорошего.

– Му-му! – требовательно обратился он за разъяснениями к дворецкому своей новой хозяйки, к добродушному весельчаку Пахому.

Надеясь что он, Пахом, хотя бы жестами прояснит ему, о чём идёт разговор между его хозяйкой и графом.

– А я почём знаю, они ж промеж себя по басурмански балакают! – выражая непонимание разводил руки в стороны Пахом.

– Конфиденциалитэ абсолютэ!

– Му-му-у! – отчаянно взревел Герасим.

– Мон шер ами!

Когда приказали подать шампанского, Герасим рванулся в бега.

Он успел убежать достаточно далеко.

Форейтор Антипка сказывал потом, что поймали его прямо у стен военно-исторического общества.

... И в третий раз привезли Герасима в Москву, опять купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, дали ему в руки хлыст, и велели отрастить бороду, так как определили его на этот раз не истопником, а кучером.

Но крепко не полюбилось ему его новое житье!

– Ми-ми! – кокетливо манил его пальчиком граф.

– Му-му! – отчаянно возражал Герасим, всем своим видом показывая своё нежелание и неудовольствие и выражая этими нечленораздельными звуками, совершенно бесспорно, крайне резкий протест происходящему.

– Ми-ми! – настаивал граф, кокетливо маня пальчиком, ах ты баловник... баловник...

– Ну хорошо, хорошо, сначала му-му, а потом ми-ми! – немного уступал ему граф, и Герасим, понутив голову шёл в барские покои...

Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык, наконец, к новым своим обязанностям.

Горько вздыхая и ухая, как пойманный в капкан зверь, Герасим, понутив голову, шёл, тем не менее, в барские комнаты.

Где вздыхания и ухания продолжались примерно в течение часа, постепенно усиливаясь и нарастая.

Затем Герасим возвращался в свою каморку, сжимая в руке подаренный графом очередной целковый. Но надолго не задерживался и там, и, попив чаю, к удивлению графа и всего его дворового люда, шёл за хозяйственный двор, окучивать грядки.

Одарённый необычайной силой и выносливостью, он и здесь работал за четверых.

И как некие механические рычаги опускались и поднимались продолговатые и твердые мышцы его торса.

...Так прошёл ещё один месяц, по окончании которого у Герасима случилось новая перемена его существования.

Герасим, как известно из школьной программы...

...Герасим выполняет свой приказ и не представляет, как можно было бы поступить по-другому. Не зря главный герой изображён немым в произведении, этим автор показывает, что нет у крепостных голоса, не могут они возразить помещикам. И мы видим, что это волнует автора...

...Впрочем, не будем пересказывать типичное школьное сочинение.

Заметим только, что Герасим очень любил домашних животных, в особенности собак.

И когда у графа на псарне появился новый пёс, он отнёсся к этому вполне благосклонно.

Но затем стал подмечать, что граф совершенно перестал обращать на него внимания:

– Ни тебе му-му, ни тебе ми-ми!

Зато проклятая псина, которую Герасим уже возненавидел, и она отвечала ему взаимностью, неизменно рыча при его появлении, всё время околачивалась в графских покоях.

Однажды Герасим не выдержал, и самовольно распахнул двери графской комнаты.

– Му-му! – со всей возможной для глухонемого деликатностью промычал он в дверной проём.

Граф взглянул на него, и отвернулся на своём вращающемся кресле к фортепиано.

И, оживлённо и весело принялся наигрывать на нём лёгкую танцевальную мелодию. Лежавший на диване пёс поднял морду, и начал тихонько подвывать в такт этой бравурной музыке:

– Уу-ууу!

– Ми-ми-у! ми-ми-у! – подхватил граф, с энтузиазмом ударяя по клавишам.

– Му-му! – отчаянно взревел Герасим в дверной проём...

– Отстань дружок, не видишь, мы музицируем!..

P. S.

...И завершат эту расширенную интернет-версию классические финальные строки самого Ивана Тургенева:

...Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит. «Впрочем, – толкуют мужики, – его же счастье, что ему ненадобеть бабья; а собака – на что ему собака? к нему на двор вора оселом не затащить!»

Такова ходит молва о богатырской силе немого.

Эвтаназия

Небольшое дополнение к больничным историям.

Больничные истории данного автора, рассказывающего исключительно о своём личном и неповторимом, как впрочем и у любого из живущих на этом свете жизненном опыте, разумеется страдают некоторой неполнотой и однобокостью.

И хотя сам автор и утверждает что показал жизнь в СССР во всей её полноте, но его зарисовки из области медицинского обслуживания, по мнению знатоков и к их глубокому сожалению, касаются исключительно венерических диспансеров, травматологий и наркодиспансеров.

В небольшом сообществе любителей психоавангарда принято считать, что вендиспансеры — это ранний Юджин Блест, ещё экспрессивный и дерзкий, травматологии — зрелый, когда мастер уже достиг исключительной выразительной силы, а наркодиспансеры — уже поздний, загадочный и парадоксальный, но в тоже время исполненный мудрости и всепрощения.

Юджин Блест наркологий — это Юджин Блест краткий и лаконичный, говорящий только самое существо дела, сдержанно и ёмко.

Блест загадочный как японский коан, и многозначительный как буддийская притча.

Это уже Блест вплотную подводящий нас к тайне, Блест приоткрывающий занавес за которым крутятся шестерёнки движущие самим мирозданием.

Следующая зарисовка предположительно относится к позднему, завершающему периоду творчества этого непревзойдённого мастера:

- Ну вот, бляха-муха, короче, сижу бля в коридоре, сижу за справкой!
  - Всё как обычно, стены окрашены до уровня плеч в зелёный, дальше в белый.
  - По стенам кресла откидные.
  - Девяностые годы, жизнь идёт под лозунгом «всё что не запрещено — разрешено».
- А народу — просто не протолкнуться, все ругают советскую медицину, все рассказывают истории, одна страшнее другой.

— Врач только один, второй в отпуске, поэтому обстановка накалена до предела.

Подходит к двери мужичок:

– Мне только спросить!

...Пиздить его не стали, хотя некоторые и порывались, а просто сделали словесное внушение.

Подходит следующий мужичок, и тоже говорит: — Мне только спросить!

Чтобы оценить происходящее, следует знать, что этот мужичок всё время был рядом, был абсолютно трезв, был средних физических данных, и разумеется, отдавал себе отчёт в крайней опрометчивости такого своего шага.

В воздухе повисла свинцовая тишина и вдруг резко запахло мазью Вишневского.

Присутствующие на несколько секунд просто растерялись от такой неслыханной дерзости. А мужик, пока стоит тишина, объясняет суть своего дела.

Объясняет сбивчиво, видно что очень взволнован:

– Дело в том, что вот вы все ждёте, а мне наоборот, нужно спросить, сколько ждать-то?

— Мне, блядь, час назад эвтаназию сделали!

– Вкололи укол, сказали:

– Сидите, ждите!

Ну, раз такое дело, конечно пропустили его без очереди.

Даже сами дверь перед ним открыли.

...Минуты через две выходит санитарка, перелистывает какие-то бумаги, и с деловым видом идёт по коридору.

Ещё минуты через две возвращается с двумя врачами.

— Один здоровый такой бугай, и блядь, рукава на халате у него по локти закатаны!

– А второй обыкновенного телосложения. — Но лучше б он тоже был бугаём — ебало просто зверское.

– Две минуты стоит тишина, потом звук падающего стеллажа, а все в курсе что в кабинете стеллаж с пробирками.

Потом бах!

Изнутри удар в дверь!

— Мужик видимо к двери ломанулся.

– Потом открывается дверь, выводят они этого мужика, руки за спину, и уводят куда-то по коридору.

— Потом открывается дверь, санитарка кричит: — Следующий!

– А мужичок, который стоял следующим, говорит, мол, вы идите пока вперёд, а я в гардероб сбегаяю, номерок поменяю, выпало число несчастливое... ..чёт я суеверный стал в последнее время...

– И всё!

– Жизнь течёт своим чередом, как будто бы ничего и небыло...

– В коридоре только немного поредело, некоторые пациенты ретировались.

– Что это было?

Киностудия

Приезжает ко мне Вован из Вышнего Волочка, я раньше в Вышнем жил, а когда бабка умерла, переехал в Москву.

И вот приехал Вован, а в Москве идёт международный кинофестиваль. Я и говорю Вовану:

– Пойдём в кино.

Вован говорит:

– Я чё, голубой что ли, в кино с тобой ходить?

Я говорю, мол дело в том, что идёт фестиваль, а в кинотеатре буфет, и в него теперь открыли вход прямо с улицы, зайдём, пивка возьмём.

Ну вот, взяли мы пива, вышли, осмотрелись, и видим что недалеко проходит трубопровод.

Две небольшие трубы проложены прямо по земле. И деревянная лесенка чтоб переходить через них. Вверху проход заколочен досками, крест-накрест.

Никто по нему не ходит.

Лестница деревянная, сухая, погода хорошая, рядом растёт дерево. Мы сели на ступеньки, в тени этого дерева, сумку с пивом поставили сбоку, в траву, в ней две трёхлитровые банки с пивом, а себе налили в пакеты из-под молока.

Сидим, курим, перед нами площадь, сбоку кинотеатр, по площади гуляют граждане, всё хорошо. Первые деньки лета, женщины наконец-то надели короткие юбки.

Утро, но уже начинает припекать солнышко.

Проходит около часа, и вдруг перед нами останавливается дядька, немного странно одетый, как-то слишком пёстро, и смотрит на нас.

Мы сидим, курим, не реагируем на него. А он прикладывает пальцы к подбородку, второй рукой придерживает локоть, и начинает разглядывать нас уже в упор. Мы сидим, не реагируем.

Подходят ещё двое.

Тоже начинают нас разглядывать. Потом первый, не отрывая пальцы от подбородка говорит, задумчиво так, как бы размышляя с самим собой:

— Мусенька, взгляните, какие колоритные персонажи!

– Вот эти двое!

– Пригласите их к нам, в третий павильон!

И пошёл дальше, а эти двое остались.

А Мусенька кричит ему вдогонку:

– Андрон, а что за типаж?

Андрон оглядывается, и говорит удивлённо:

– Как?

— Разве вы не видите?

– Это же два простых крестьянских парня, из глухой тамбовской деревни, это именно они добровольцами вступили в красную армию, чтобы с оружием в руках отстоять молодую советскую республику!

Я говорю Вовану:

— Вован, прикинь, меня в третий раз в армию забирают!

— А я два раза в армии служил, в военкомате документы перепутали и через год поле дембеля меня снова забрали, хорошо что только на полгода, пока наверху разбирались что к чему.

Второй дядька подходит к нам, жмёт руки, говорит:

— Поздравляю, вы успешно прошли кастинг, и приглашены в массовку, к нам на киностудию!

— Мы говорим, мол, не, не хотим!

Тогда этот дядька вопросительно смотрит на третьего.

Третий расстёгивает пуговицы на плаще, сует руку в карман брюк, и достаёт пачку сигарет.

Берёт себе сигарету, и протягивает пачку нам, говорит:

— Не желаете?

Мы автоматически берём по сигарете, и нас начинает немного колбасить, так как под плащом у него портупея, на ней кобура с наганом, а выше значок, звезда, а внутри звезды рыцарь мечом отрубает голову змею.

Мужик смотрит куда-то вбок, мимо нас, и говорит совершенно равнодушным голосом:

— Очень рекомендую прислушаться к совету товарища!

Вован говорит:

— Не, я не могу, мне вечером козу доить надо.

Я говорю:

— Мне тоже козу доить надо.

Мужик говорит:

— Не беспокойтесь, наши сотрудники подоят ваших коз!

Я говорю:

— Ни-ни-ни, мою не надо... ..дело беспонтовое...

— Её дои – не дои...

Вован говорит:

— Мою тогда тоже не надо!

Тогда Мусик говорит, не беспокойтесь, за съёмочный день вам выдадут по пятьдесят рублей, а обеды у нас очень хорошие, вкусные.

Мы берём сумку с пивом, они подводят нас к автобусу, автобус большой, но совершенно пустой, шофёру говорят, отвезите вот этих в третий павильон.

Приводят нас в третий павильон, подводят к главному, молодой парень, волосы завязаны в пучок сзади.

Он мельком взглянул на Вована, и сразу говорит:

– Так, вот этого побрейте наголо, голову замотайте бинтом, на грудь повесьте две пуле-мётные ленты, крест-накрест. — По типуажу он будет белогвардейцем только что сбежавшим из тифозного барака. — А этого, меня то есть, отведите к Изольде Соломоновне!

Ну вот, загримировали нас, Вован лысый, бинт на голове, на лбу пятно крови, штаны галифе, это, если кто не в курсе, когда штанины как опрокинутые бутылки, сверху широкие а снизу узкие.

Вован в то время бухал сильно, удачно получилось.

А мне Изольда Соломоновна намазала голову каким-то гелем, сказала что потом легко смоеся, и по вискам приклеила две такие как бы косички, потом надела чёрную шляпу, сюр-тук, шаровары, в руки дала футляр от скрипки.

И приводят нас на съёмочную площадку.

Девушка-консультант рассказывает нам, что да как:

– Вот смотрите, вот традиционная южно-русская изба восемнадцатого-девятнадцатого веков.

– Называется мазанка. Ударение на первом «а».

Вован говорит:

— Да знаю я...

— Сам живу в такой...

...у меня ещё за это по тридцать копеек штрафа каждый месяц сдирают.

Она говорит:

— Вот и прекрасно, а вот этот забор их сплетённых прутьев называется плетень, на нём традиционно развешивают кувшины и кринки из-под молока.

– Ваша задача состоит в том, чтоб, по моему знаку, вы пробежали от мазанки к плетню, перелезли через плетень, и как бы в панике побежали дальше, до ворот павильона.

— Наш ассистент, тут она оборачивается показывает пальчиком на ассистента, наш ассистент Валентин будет стоять сзади и хлопать двумя дощечками, это будет обозначать выстрелы.

– Когда услышите хлопки, на бегу просто пригибайте немного головы, и всё.

– Обратите внимание, вверху, спереди и сзади, располагаются две камеры, ни в коем случае не смотрите в сторону камер.

— Думаю мы управимся за один дубль, и вы сразу же получите свои деньги!

Вован говорит:

– Чё, просто пробежать и через плетень перелезть и всё?

– За пятьдесят рублей?

– Да я за пятьдесят рублей воробья в поле до смерти загоняю!

Ну вот, сняли мы первый дубль.

Режиссёр доволен.

Особенно Вованом.

А мне говорит, мол, всё прекрасно, вы уже можете идти получать деньги, но давайте, просто для страховки, снимем ещё один дубль, последний, и да, вы скрипочкой на бегу не раз-

махивайте так сильно, это ведь не дубина, помните, что скрипка представляет для вашего персонажа огромную ценность, лучше просто прижимайте её к груди!

Мы с радостью снимаем второй дубль, ещё лучше первого, и намереваемся уже идти в кассу, за деньгами, но тут входит делегация.

Впереди Никита Сергеич, сзади те трое, что были у кинотеатра, и с ними ещё человек десять. Они о чём-то поговорили между собой, и к нам подходит наша девушка-консультант.

– Мы снимаем ещё один дубль!

— Никита Сергеич будет проводить мастер-класс!

Вован немного загрустил, а я наоборот, даже обрадовался.

Ведь мы увидим работу маэстро!

Более того, мы будем в ней участвовать!

Никита Сергеич расположился в кресле и говорит:

– Пожалуйста принесите мне чашечку кофе и телефон.

В это время я начинаю немного беспокоиться.

...Странно, почему нас с Вованом никто не инструктирует, не рассказывает про Станиславского?

Никита Сергеич попил кофе, потом набирает номер и говорит в трубку:

– Але!

– Клуб служебного собаководства?

– Позовите пожалуйста инструктора Володю!

— Володя, за вами уже послали автобус, соберите всех кто у вас есть, и срочно в третий павильон!

...И минут через пять открывается задняя дверь и входят собаководы со своими собаками.

Эта порода, короче, — собака-убийца, хорошо что она одна такая была.

Никита Сергеич берёт рупор и командует:

Артисты на исходную!

Мы с Вованом встаём на исходную.

– Мотор!

– Камера!

– Спускайте собак!

...Вован бежал впереди, и я обратил внимание, что он не стал перелезать через плетень, как в прошлые разы, а просто перепрыгнул его, я так не смог, и когда перелезал, в жопу мне вцепилась афганская борзая, она оказалась самая быстрая, но я тут же оказался по другую сторону плетня, и когда спасение казалось было уже рядом, мы уже подбежали к воротам павильона, толкнули ворота, они распахнулись, и впереди уже шумела многолюдная улица, третья Мосфильмовская, тут раздались настоящие выстрелы.

Я оглянулся и увидел что Никита Сергеич бежит за нами, и палит по нам из пистолета, Вован упал, ему в жопу вцепился доберман, хозяин добермана подбегает и оттаскивает его за поводок, теперь я бегу впереди всех, прижимаю, как учили, к груди футляр со скрипкой, за мной с диким воем бежит Вован, за ним собаки, за ними собаководы.

Никита Сергеич остановился и перезаряжает, у него заклинил ствол, мы бежим уже по улице, граждане стоящие в очереди у ларька с пивом, бросили пиво и тоже бегут за нами,

машины сигналият, включили пожарную сирену, кэбэшник в плаще вскочил на подножку трамвая и палит по нам с Вованом из пистолета прямо на ходу...

Я бегу впереди, сзади бежит Вован, а за нами уже целая толпа народу.
Казалось бы уже нет спасения, нет выхода, но вдруг у нас появляется шанс!
Я вижу в переулке старенького дедушку одетого почти также как я.
Очень-очень похоже.

Только у меня в руках скрипка, а у него инвалидный костыль.

Я резко поворачиваю в переулок, надеюсь что толпа переключится на дедушку, а пока они разберутся что к чему, мы с Вованом успеем оторваться и убежать переулками.

Я подбегаю к дедушке, на секунду останавливаюсь и смотрю на него.
Дедушка срубает меня костылём и я падаю на асфальт...

...Вот последняя сцена которую я помню:

Лежу на асфальте.

Дедушка наклоняется надо мной, поднимает костыль для удара, и спрашивает:

— Ну и когда же вы, пидарасы, кино-то снимать научитесь?

Больница

Так вот, следующий случай произошёл не со мной, а с моим коллегой по работе.

Он на стойке недавно, строительных историй не знает, рассказывает случай из своей жизни:

– Гуляю я значит возле института Склифосовского.

Гуляю с женой и ребёнком.
Жена везёт ребёнка в коляске.

Впереди идёт мужичок, идёт, покуривает, вдруг подходят к нему двое санитаров. Они пару минут поговорили и вдруг мужик как рванёт бежать от них! Санитары подходят к другому мужичку, ещё не успели даже подойти, он тоже как рванёт бежать, и на бегу ещё матом их кроит.

Подходят ко мне, говорят:

– Здравствуйте, вы давно в Москве живёте?

Я говорю:

– Да, давно, уже почти год как квартиру получили в Матросской роше.
– А сам я с Костромской сторонки, недалеко от Кирова, деревня Вагины.

Он говорят: Ну вот и прекрасно, наконец-то настоящего москвича встретили, а то попадают дикари какие-то.

– Мы приглашаем вас, кстати, совершенно бесплатно, пройти экспресс-обследование на наличие у вас хронических заболеваний.

– Вы знаете как важна диагностика именно на ранней стадии, это займёт у вас буквально тридцать-сорок минут, вы знаете, наши профессора — уникальные специалисты, таких больше нет нигде в мире!

Я Тоньке говорю:

– Тонь, сходить чёлъ?

– К профессорам?

Она говорит:

— А чё, сходи, мы пока тут погуляем. Ну вот, поднимаемся мы с санитарями на третий этаж, я, санитары, и ещё мужичок какой-то.

Он тоже согласился пройти экспресс-обследование.

Ну вот, заводят нас в кабинет, за столом сидит мужичок, ничем не примечательный, вежливый, записывает наши фамилии, адреса, возраст, образование...

И вдруг говорит:

– Минуточку, а ваши Вагины разве в Костромской области?

– Разве не в Кировской?

– Я прям обомлел!

– Настоящий профессор!

– Просто ходячая энциклопедия!

Да, говорю, правильные ваши слова, по науке-то оно в Кировской, мы просто так говорим, опромеж себя, мол сторонка наша тыть...

...остромская... ..екимкино горе...

Он говорит:

– Прекрасно, снимайте штаны, и ложитесь вон на ту кушетку!

И поясняет:

– В первую очередь проверим вас на наличие простатита!

Вначале они обследовали того мужика, с которым мы пришли.

Я, из деликатности отвернул голову к стенке, слышу профессор говорит:

– У вас простатит, в начальной стадии, и вы нам, к сожалению не подходите.

– Вот вам рецепт, и направление в поликлинику по месту жительства, до свиданья. Потом подходят ко мне, осматривают, профессор говорит:

— Прекрасно!

– Совершенно здоров!

– Зафиксируйте его!

И не успел я даже пошевелиться, как санитары, раз, и пристегнули меня к кушетке специальными ремнями, и кладут на тележку с колёсиками.

Сверху меня накрывают двумя простынями, одной туловище, другой ноги, так что на виду у меня остаются только голова и жопа.

Я могу свободно шевелиться, дышать, никакого неудобства не испытываю.

Но начинаю подозревать нечто нехорошее.

Правильно у нас в деревне говорят, вот мол, москвичи... ..ироды... ..приехали... ..походили... ..посмотрели... ..спирт-завод закрыли...

...Потом вспоминаю про двух мужиков на улице... ..которые убежали... ..и начинаю подозревать уже совсем нехорошее.

Походит профессор, говорит:

– Да, голубчик, простатита у вас, казалось бы нет...

– Но это только на невооружённый взгляд!

И вставляет мне в жопу увеличительное стекло, в воронке, наподобие таких, из каких у нас в колхозе молоко в бидоны наливают, поле дойки, только побольше.

И говорит санитарам:

– Везите его на первый!..

...Я только в коридоре опомнился, кричу:

– Профессор, спасибо!

– Спасибо профессор!

– Век бога буду молить!

– Маслица нашего пришлю вам, деревенского!..

...Ну вот, привозят меня на первый этаж.

И тут рассказчик нам говорит:

– Ребята, кажется настал такой момент, когда за продолжение истории уже надо платить!

Ну мы скинулись, а Азиз, таджик, говорит:

— Я пойду, всё равно я этого вашего разговора не понимаю.

– И понимать не хочу.

– И даже слушать не хочу.

– Вы вижу тут совсем ебанулись!

Но мы говорим:

— Не, не, подождём тебя, покурим пока на воздухе...

...Ну так вот, привозят меня на первый этаж, палата с двумя дверьми в одну нас ввозят, в другую вывозят.

Лежат на каталках человек десять.

У всех в жопах воронки.

Только я привязан и накрыт простынями, а они в больничных пижамах.

Кто спит, кто газету читает, двое в шашки играют.

Нас время от времени вывозят через другую дверь, по одному.

Я спрашиваю:

— Мужики, а чё там, дверь? Они говорят:

– Не бойсь, там консилиум идёт, нас всех на консилиум собрали, со всех районов Москвы.

Ну вот, лежим, в одну дверь ввозят, в другую вывозят.

Остаётся нас человек пять.

И вот, санитары подходят к мужичку, которого уже после меня привезли, я короче кричу:

– Э!

– Моя очередь!

Им пофиг.

Второго вывозят, я опять кричу:

Мужики, давайте в очередь!

Санитары говорят:

– Лежи не дёргайся, ты последний пойдёшь.

– Остаюсь я один.

Приходит санитарка, начинает шваброй водить. Хотел спросить её:

– Мол чё?

– Про меня забыли что-ли?

Незаметно взглянул на неё, молодая бабёнка, симпатичная, халатик облегающий, эротичный, а я тут лежу, с воронкой в жопе, неудобно как-то, не стал спрашивать, лежу, делаю вид что газету читаю.

Тут вдруг вбегают санитары, хватают тележку и везут меня, почти бегом, тележка громыкает, один воронку поддерживает, вдруг поворот, другой коридор, там темно как жопе, я

ору, особенно на поворотах, потому что они на поворотах они воронку дёргают, и вдруг бах, свет прямо в глаза.

— Ослепительный, я аж зажмурился.

— Ввозят меня в конференц-зал, на сцену, тележку ставят так чтоб жопа была прямо под люстрой.

Встаёт профессор, который меня принимал, читает по бумажке мои данные, фамилию, возраст, год рождения, потом что-то непонятное читает, по латыни, потом обращается к президиуму:

— Коллеги, не хотите ли взглянуть?

— Они головами мотают, мол нет, не хотим!

— Тогда студенты, пожалуйста, ознакомьтесь!

Подходят студенты, строятся в очередь, и по очереди заглядывают мне в жопу.

Потом из зала кто-то спрашивает:

— Экейшент, хай лайв ю филин?

Ко мне подходит переводчик с микрофоном, переводит:

— Пациент, как вы себя чувствуете?

И подносит мне микрофон.

Я говорю:

— Нормально!

Переводчик:

— Ит ол райт!

Все хлопают, смеются!

Профессор кивает санитарам:

— Мол, всё увозите!

Меня увозят, я говорю:

— Воронку хоть выньте, всю жопу порвали!

Воронку вынимают, ремни отстёгивают, везут по коридору, вестибюль оказывается буквально в дух шагах, вот выход, санитары выходят вместе со мной на улицу, закуривают сигареты, я вижу жену с коляской, она машет мне рукой улыбается, санитары по очередижимают мне руку, и я спускаюсь по ступенькам на улицу...

...После такой истории конечно хочется выпить, а денег уже ни у никого нет, но тут Петрович, слесарь шестого разряда, известный своей прижимистостью, открывает свой шкафчик, и бах на стол пол канистры технического!

— Пейте суки!

Открывает пробку, наливает себе стакан, выпивает залпом.

Одевает куртку, шапку, идёт к двери. Уже в дверях оборачивается и говорит нам со злостью:

- Щенки бля!
- Мимо он проходил, на полчаса зашёл...
- Меня там три месяца продержали!
- И плачет.

Стройка

Дело в том что всё здесь написанное — правда. — Ну или почти всё.

На самом деле, если копнуть, то неожиданно обнаружишь что корни простираются несколько глубже чем от них того ожидалось, а иногда даже достигает до древней Греции.

Да, сильно глубже, вот к примеру слово «колбАситься» кажется что это выражение свежее, возникшее не так уж и давно, а то и вовсе придуманное прямо на ходу.

«Ты чего здесь колбАсишься?» — звучит как почти как экспромт, а между тем так говорят уже около ста лет, Зоценко ещё употреблял, или, к примеру анекдоты о программистах.

Вы должны знать, что очень многие анекдоты о программистах — просто старинные анекдоты о прапорщиках, слово «прапорщик» было, путём нажатия кнопки «найти и заменить» заменено на «программист», таким образом массовая фальсификация свершилась в одну секунду.

Но углубиться в эту тему предлагается на страничке о армейской службе, а здесь речь идёт о стройке.

Сидим, как-то в домике на колёсах, выпиваем, травим обычные строительные байки, вы все прекрасно их знаете.

Прораб у нас прекрасный мужик, запросто заходит, пьёт с нами, работягами.

Толстый такой мужичок.

Щеки полные, красные в любую погоду.

Только ушей нет.

Я когда в первый день пришёл на стойку, сразу же спросил:

— А чегой-та у нас прораб без ушей?

...Разумеется это его личное дело, вероятно какая-то семейная драма, просто немного странно как-то...

Отвечают:

Да так... ..фигня... ..это он послал пэтэушников на третий этаж, за кирпичами, а их нельзя на верх посылать, тем более за кирпичами, на стройке первое правило, пэтэушников или на земле держать, за забором, или, в крайнем случае в подвал загонять.

...Стойка это не работа.

Стройка это жизнь!

В самом конце моей строительной карьеры послали меня на новый объект, поставили меня цемент мешать, подсобником к старичку-каменщику.

Он говорит, мол я тебе с'час всё покажу, объясню вот здесь у нас кран, он поднимет кирпичи, обязательно надень рукавицы, без них их не работай, раствор разъедает руки...

Хороший такой дедушка...

Я говорю, не надо, иди к себе, я всё сделаю, минут через пять принесу тебе раствор.

И мешаю раствор.

И тут слышу самый лучший комплимент, который я слышал за всю мою жизнь.

А я их много слышал в своей жизни, особенно по поводу стихов.

Оборачиваюсь, смотрю дед оказывается никуда не ушёл, а стоит смотрит на меня.
И говорит:

— Да, парень, видно немало ты за свою жизнь раствора перемешал...
Так вот, работяги хотят продолжить рассказ, почему у них прораб без ушей.
Но я их перебиваю, говорю:

Всё и так понятно, но готов даже поспорить на бутылку водки, в первые полчаса, никто ничего даже не заметил!

Мне отвечают:

– Нет, отчего же?

– Отнюдь нет!

– Пэтэушники сразу неладное заподозрили... ..смотрят, прораб раньше медленно ходил, вразвалочку, а тут вдруг забегал.

Слезли с третьего этажа, подошли поближе, смотрят, всё правильно, как объясняли на уроках, каска даже не треснула...

Нагрузку выдержала.

– Это и был Советский Союз.

– Каска как новенькая, без царапинки, а прораб без ушей.

...Много таких историй.

Мужику говорят:

– Иди пособи, вот тут подержи немного.

– Мы ща будем щит прибивать, а ты снизу подержи.

Он стал поддерживать руками, а для удобства ещё головой упёрся.

Щит прибили, а он так и стоит, не уходит.

Ему говорят:

— Ну чего встал, выходи оттуда.

Он говорит, чего-то я головой пошевелить не могу.

Оказалось что он головой поддерживал как раз том месте где сверху забивали гвозди, и один гвоздь оказался в два раза длиннее положенного. На «стопиисят».

Лишили премии!

За нарушение техники безопасности.

Был без каски.

Вот такие они, эти строительные истории.

Доверять им нельзя.

И вот почему:

Выпускают меня как-то из вытрезвителя, и тут баба, короче сдаёт мужика.

Сдаёт в «витиризвитель»

Его в дверь заталкивают, а он орёт:

– Сука, да тебя же весь Мосстрой перебал!

Я, конечно посмотрел, чё за баба.

Нет, нет, и ещё раз нет, это очень большое преувеличение!

...Многие боятся стройки.

Мол месить цемент на морозе, не, нафиг, пусть нам и платят поменьше, и мы постоянно терпим унижения и надругательства, но крайней мере мы терпим их в тёплом офисе.

Да и уровень общения строителей, и манера их общения, нас разумеется не устраивают.

Друзья, позвольте развеять эти устойчивые заблуждения.
Снова повторю:

Строй ка это не работа, стройка это жизнь!

Так вот, когда я впервые оказался на стройке, то тоже вначале думал что придётся наверно тяжело, в смысле физических нагрузок. Но эти опасения развеялись сразу же, ещё до начала рабочего дня, когда мы шли на развод.

Мы шли со средних лет мужичком, который тоже вышел на работу в первый день, и для нас двоих открыли новую домик-бытовку.

Был февраль, понедельник, и ветер дул, как это обычно бывает в феврале, порывами.

Я шёл и думал:

Может быть свалить?

Свалить прямо сразу?

И если бы я шёл один, я бы наверное так и сделал, но мужичок который шёл рядом со мной, показал мне пример стойкости перед лицом житейских бурь и невзгод.

Стоило только подуть ветру как мужичка сразу же сносило на обочину, он начинал часто-часто перебирать ногами, противодействуя давлению ветра, но его всё равно сносило на обочину, но он каждый раз возвращался назад и целенаправленно шёл к цели.

Теперь об уровне общения.

Взять например книги.

Каждый ведь читает как раз тех авторов которых он заслуживает.

Современным авторам кстати, намного труднее, им дополнительно нужна, как бы это сказать,

«стойкость перед лицом быдла».

И в интернете остаются не все авторы, а только «стойкие перед лицом быдла», что конечно же очень печально.

Потому что олдскульные авторы не очень-то «стойки перед лицом быдла».

В советском союзе строительство не было кочевой профессией.

Ты оканчивал профессионально техническое училище, и приходил на стройку.

Там как раз закладывали фундамент нового дома.

И через пятьдесят лет, когда заканчивали крышу, пусть не этого, а соседнего дома, тебя с почётом провожали на пенсию.

Касательно уровня общения.

Данный фрагмент может послужить материалом для злословия некоторых незрелых критиков.

А что касается моралистов, друзья, надеюсь что среди нас нет моралистов!

А если вдруг один из них всё-таки присутствует, что очень странно, так пусть вернётся к своей полочке с парфюмерией. Вероятно там с течением времени оформилась неплохая коллекция, есть чем вспрыснуть подмышки.

Уровень общения, для экономии трафика, здесь охарактеризован одной фразой и сопроводительным комментарием к ней.

Забавная мордашка под строительной каской, с воодушевлением, вызванным влиянием алкогольных паров, вдруг кричит из окна строящегося корпуса уборщице, совершенно пропитой тётке, курящей на крыльце, призыв обращённый к уборщице в затрапезном халате, это призыв хранить невинность, хранить до его возвращения с трудовой вахты.

«Целку береги!!!»

– Не будь фарисеем и моралистом, а фразу эту возьми на вооружение, в критических обстоятельствах она просто незаменима.

Театр

...Однажды две студентки Литературного института имени Горького, Аня и Лариса, решили сходить на премьеру в один из московских театров.

И зовут меня с собой.

И показывают буклет.

«Дон Жуан, дарующий билеты в мир наслаждений, в царство страсти...»

Я говорю:

– Ни-ни-ни!

– Ни в коем случае!

– Выебут!

Они говорят:

– Кстати да, когда в общежитии билеты раздавали, нам как бы намекали...

– Сообщаю для тех кто в курсе, здесь имеется ввиду ещё старое общежитие, то которое сгорело.

Для тех кто не в курсе, поясню кратко, чтоб не отвлекаться от темы:

– Фильм «Общество мёртвых поэтов» смотрели?

– Понравился?

– А вот если меня спрашивают, мол, как тебе, Юджин, этот фильм?

Я всегда отвечаю одним словом:

– Гавно!!!

Позвольте поясню почему:

– Есть такое стихотворение:

«Пожар в Архитектурном!

По залам, чертежам,

амнистией по тюрьмам

пожар, пожар, пожар!»

«...Все выгорело начисто.

Милиции полно.

Все – кончено! Все – начато!

Айда в кино!»

— Оно было написано Андреем Вознесенским в 1957 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.